

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Куликова Элла Германовна

д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой
ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ В КОНТЕКСТЕ НЕОРИТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Аннотация: данная статья посвящена исследованию ортологических норм литературной разновидности параязыка. Автор отмечает, что чистота в отношении паралингвистической нормы исключает грубые и неприличные знаки. Рассматривается, что правильность предполагает соответствие знаков определенному стандарту. Стилистический аспект нормирования параязыка ответственен за функционально-стилистическое (уместное) употребление параязыковых средств, а также за соблюдение единства стиля в пределах нефункциональных стилей.

Ключевые слова: ортология, норма, параязык, этикет, стиль коммуникации.

Наличие литературного параязыка предполагает его полифункциональность, способность к смысловому и стилевому варьированию. Так возникает стилистический аспект изучения параязыка.

Если ортологический аспект восходит к такому качеству речи, как правильность (чистота), то стилистический – к такому качеству, как уместность.

Стилистический аспект паралингвистических норм может быть рассмотрен в двух отношениях: функционально-стилистическом и собственно стилевом. Под функционально-стилистическим мы понимаем закрепление параязыковых средств за сферами общения, или шире – за коммуникативными ситуациями. Под

собственно стилевым аспектом – отнесение паралингвистического средства к той или иной манере, к тому или иному стилю общения.

Наложение функционально-стилистических ограничений на использование параязыка – факт достаточно очевидный и тесным образом связанный с этикетом. Этикет при этом не столько предлагает выбор из вариантов, как в случае с обычным языком, сколько оформляет сам репертуар средств в целом. Так, в отношении кинесики он запрещает определенные жесты, позы, выражения лица и в то же время вводит необходимые жесты, позы и выражения. Это практически не связано с обычной вариантностью, так как речь идет не о выражении одного и того же смысла разными жестами, а о введении жестов с обязательным выражением определенных смыслов или о запрете на выражение определенных смыслов средствами параязыка, даже когда они могут быть выражены вербально. Скажем, не во всех ситуациях уместно сопровождать требование ударом кулаком по столу. С другой стороны, поклон может входить в обязательный репертуар некоторых коммуникативных ситуаций.

Яркий пример кинесического этикета – правила воинской вежливости, где определенные кинесические действия предписываются, а определенные запрещаются. Например, правила отдания воинской чести представляют собой введение и регламентацию жеста, невыполнение которого может повлечь дисциплинарное взыскание. С другой стороны, в воинском строю даже поза, соответствующая команде «вольно», отнюдь не допускает произвольного положения тела или тем более спонтанных жестов, вроде покачивания ног.

Отличие кинесических функциональных стилей от обычных функциональных стилей языка состоит, таким образом, в том, что функциональные стили используют вариантность при выражении схожих смыслов, т.е. лексическую и грамматическую синонимию, а кинесические стили основываются на этикетном отражении тех или иных референтов, синонимия же играет второстепенную роль. Крайним проявлением функциональных запретов на кинесику служит запрет: «Не жестикулируй!»

Другое отличие функциональных стилей кинесического общения состоит в том, что само деление на функциональные стили, принятое в науке [6], не совпадает с делением, релевантным для кинесики.

Так, оппозиция «разговорный – деловой» еще может быть осмыслена с точки зрения жестов, хотя различия «подстилей» делового стиля будут, по-видимому, более существенны для кинесики, да и сами границы «делового стиля» потребуют более ответственного описания. Так, релевантно выделение врачебного жестового этикета, соответствующего этикета официантов и т.д.

Научный этикет в кинесическом отношении ничем не отличается от этикета делового общения, причем внутренняя дифференциация здесь тем более не релевантна.

Что касается параграфемии, то она соотносится с выделяемыми функциональными стилями уже по-другому, а именно, параграфемные стили стоят гораздо ближе к классическим функциональным, восходящим к классификации В.В. Виноградова [1], так как стилистически маркирована именно параграфемика научного и научно-делового стиля. В качестве примера можно привести культуру сносок и ссылок в научном стиле, культуру соблюдения и расположения реквизитов документа в деловом стиле. Дифференциация графемии внутри научного и тем более делового стиля существенна.

Если считать пазиграфию, например, математическую символику элементами параграфемии, то следует признать, что математический этикет особым образом регламентирует соотношение вербального и невербального в изложении результатов. В «суровом» варианте математического изложения будут преобладать формулы, а словесных комментариев будет мало. Существует свой этикет в использовании диаграмм, описании блок-схем алгоритмов, иллюстраций к школьным задачам по физике и математике, относительно которых в методической литературе специально оговаривается степень условности рисунка.

Мы можем отметить стремление к унификации в использовании так называемых компьютерных «иконок». Так называют Д-знаки, чаще всего иконичные,

но также и индексные, используемые в интерфейсах прикладных программ. Таковы иконки, используемые в редакторе Word: изображение раскрытой папки, принтера с листом бумаги, ножниц, чемодана и т.п. Здесь налицо стремление к замкнутому коду. Графическое оформление таких программ-оболочек, как Norton-Commander и его более поздних версий показывает стремление к преемственности, желание воспользоваться тем, что уже стало конвенциональным знаком.

В отношении произношения функционально выделяется художественно-публицистический стиль, стиль публичной речи. В науке существует устойчивое понятие «сценическая речь», а в наивной лингвистике такое, например, как «театральный шепот».

Но стилевой аспект для параязыка не ограничивается функциональными стилями. В диахроническом плане «стилевое» проявляется особенно наглядно в категории «стиль эпохи» («барокко», «ренессанс» и пр.), не связанной со стратификациями по сферам общения. В синхронном плане стиль связывается с определенной манерой, эстетическим течением («пышный стиль», «высокий стиль», «манерный стиль», «аскетический стиль» и пр.).

Стилевой аспект, таким образом, может связываться с разными стилями, определенными не через коммуникативную ситуацию («лаконичный стиль», «цветистый стиль»). Такие стили называются также «манерами». Нормативность здесь проявляется в категории цельности, уместности не по отношению к ситуации общения, а по отношению к целому. Основное нормализаторское усилие направлено на то, чтобы «не выбиваться из стиля». Центр тяжести этой категории лежит в экстралингвистической области (ср.: «спортивный стиль», «солидный стиль», «деловой стиль», «молодежный стиль» в одежде). Источником стилизаций – и это видно в дизайне – выступают некие образы, в сути своей – метафоры, которые подвергаются некоему разворачиванию, детализации. Например, матросский костюм женщины или ребенка, ресторан в восточном стиле и другие семиотические игры, правило которых состоит в «выдерживании стиля».

Подобные игры проявляются гораздо активнее в отношении визуальных невербальных знаков, нежели в отношении звучащей речи. Лингвистические средства могут лишь встраиваться в дизайн (скажем, названия ресторанов соответствуют оформлению их интерьеров). Но даже когда название инициирует изобразительный стиль, оно не задает стилистический тон, играет подчиненную роль. Здесь, скорее, сам язык занимает позицию «пара», нежели какие-то неязыковые средства сопутствуют языку. См. подробнее: [2]. В современной коммуникативной ситуации все большее предпочтение отдается «эластичной кодификации», «кодификации рекомендательной», когда, вместо простых ограничений (запретов), используется расширенная подача ненейтральных единиц с указанием на их стилистическую [4, с. 337] или коммуникативную ценность [3, с. 256]. При этом отмечается, что терпимая к отклонению кодификация должна после отклонения как бы вновь пружинить в стабильное состояние [5, с. 43]. Эластичность кодификации *de facto* является приметой наших дней.

Выбор шрифтов, «стилей» или других шаблонов на компьютере, что вполне аналогично выбору почерков (устав, полуустав, скоропись) переписчиками. Подобные стили тяготеют к нормированию в связи с потребностью в унификации и целостности (единство стиля).

Список литературы

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 319 с.
2. Куликова Э.Г. Норма в лингвистике и паралингвистике. Дис. ... докт. филол. наук. – Ростов н/Д.: РГЭУ «РИНХ», 2004. – 300 с.
3. Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики. Дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2001. – 302 с.
4. Ласкова М.В., Лазарев В.А. Множественность грамматической нормы // II Международная конференция «Кавказ – наш общий дом». – Ростов-на-Дону: ИППК ЮФУ, Южно-Российский филиал Института социологии РАН, 2010. – С. 337.

5. Саари Х. Норма, потенциал и эластичная кодификация // Общелитературный язык и функциональные стили. – Вильнюс, 1986. – С. 30–73.

6. Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи. – М.: Academia, 2002.